

Проворочавшись без сна добрую половину ночи, на следующее утро Цзи Линьси тем не менее поднялся бодрым и полным сил. Каким бы лютым ни был мороз, сейчас он не чувствовал холода — кровь в его жилах буквально кипела. Под предлогом того, что ему нужно «подышать свежим воздухом», он обошел всё поместье в надежде на случайную встречу с прекрасным господином, но, прослонявшись целый час, не увидел даже его тени.

Однако за завтраком он всё же встретил того, о ком грезил. Предмет его мечтаний сидел в кресле с болезненным видом, а стоявший подле старый слуга ухаживал за ним с такой осторожностью, будто тот был из хрупкого фарфора: даже усаживаться помогал, поддерживая под локоть. По всему было видно, как баловали и нежили этого юношу в родном доме.

Пожалуй, и мне стоит поучиться у этого старика.

«Когда мы поженимся, такая приятная обязанность — поддерживать "супруга" под ручку — должна достаться именно мне»

Цзи Линьси залюбовался, и его взгляд невольно замер на руках прекрасного господина. Пальцы того были подобны резному нефриту: тонкие, изящные, с нежно-розовыми, точно лепестки персика, суставами.

«Пальцы — словно нежные ростки, кожа — будто застывший жир... Ох, кабы взять эти пальцы в рот, да облизать каждый, да пососать как следует...»

Он невольно издал громкий и жадный звук, сглотнув слюну.

В то же мгновение прекрасный господин поднял чашку, отхлебнул чаю и, поставив её обратно, опустил руку так, что широкий рукав полностью скрыл кисть, лишая Цзи Линьси возможности и дальше предаваться своим греховным созерцаниям.

Господин Ван представил его гостям:

— Это тоже наш дальний родственник по фамилии Чу...

Поймав предостерегающий взгляд хозяина, Цзи Линьси выпрямился и, приняв достойный вид благородного мужа, сложил руки в приветствии:

— Ничтожный Чу Си к вашим услугам. «Си», как в названии старинной лютни.

Сидевший за столом Янь Хуай почувствовал еще большее отвращение к этому человеку. Его фамилия была такой же, как у Его Высочества, но за ней скрывалась лишь низкая и лживая натура.

— Ах да, верно, Чу Си, — подхватил господин Ван. — Мой племянник сведущ в некоторых даосских искусствах. Если молодым господам будет скучно, он мог бы развлечь вас, чтобы скоротать время.

Вернувшись вчера к себе, он долго размышлял, как бы уберечь этих столичных щеголей от лишних расспросов. Самым верным средством казалось занять их чем-нибудь, и мастерство даоса Чу подходило для этого как нельзя лучше.

Чу Юй не ожидал, что случай сблизиться с этим лже-даосом представится так скоро. Оставалось лишь гадать: то ли господин Ван был непроходимо глуп, то ли чрезмерно самоуверен?

Впрочем, дело было не в глупости и не в заносчивости. Хозяин дома уже не раз строго-настрого наказывал Цзи Линьси не помянуть ни словом ни Павильон Цзюньцзы, ни призраков, ни уж тем более о том, как его собственный сын погубил ту девицу. Он верил, что даос Чу не станет болтать лишнего — ведь обещанные семь тысяч лянов серебра еще не осели в его карманах.

Чу Юй изобразил на лице живой интерес:

— О? Даосские искусства?

Он с легкой улыбкой посмотрел на собеседника и вкрадчиво, мягким голосом спросил:

— Не знаю только, в каких из пяти столпов эзотерики искусен господин Си? Гора, медицина, физиогномика, судьба или гадание — что вам ближе?

Этот взгляд, полный ласковой усмешки, был подобен весеннему ветру, а голос звучал слаще небесной музыки. Сердце Цзи Линьси превратилось в гусли, на струнах которых эта мелодия играла по своему желанию.

Будучи натурой порочной и бесстыдной, Цзи Линьси из-за одного взгляда прекрасного господина и его божественного голоса вновь почувствовал, как его плоть бесстыдно затвердела. И всё же он продолжал не мигая пялиться на Чу Юя. В его взоре, внешне столь честном и прямом, таилась хищная, звериная тяга к захвату.

— В своем ничтожестве я смею заявить лишь о некотором знакомстве с физиогномикой, предсказанием судьбы и гаданием.

— Владеть сразу тремя искусствами... Что ж, должно быть, мастер Чу достиг немалых высот в своем самосовершенствовании, — проговорил Чу Юй и, опустив веки, снова пригубил чай.

Блюда подавали одно за другим. Чтобы угодить гостям из столицы, господин Ван велел

приготовить восемнадцать изысканных яств, однако Чу Юй лишь мельком взглянул на это изобилие, и улыбка в его глазах заметно померкла.

— Кстати, а где же молодой господин Ван? Почему его не видно? — как бы между прочим поинтересовался Чу Юй.

При этих словах у госпожи Ван защемило в глазах. Она достала платок и, промокнув слезы, ответила:

— Цзиньчжи вчера вечером немного простудился. Боясь передать хворь дорогим гостям, он остался у себя. Ему подадут завтрак в покои.

На самом деле её сыну снова пришлось отдать чашу крови, и его организм просто не выдержал такой нагрузки — несчастный не мог подняться с постели. К тому же госпожа Ван знала своего сына как облупленного: видя, какими глазами тот смотрит на знатного гостя, она не на шутку испугалась, как бы он не натворил дел, а потому строго-настрого запретила ему выходить к столу.

Чу Юй несколько мгновений пристально смотрел на неё. Под этим взглядом госпоже Ван стало не по себе, и она неловко пролепетала:

— Почему второй молодой господин Шэнь так на меня смотрит?

Чу Юй отвел взор:

— Просто подумал, что материнская любовь госпожи Ван поистине безгранична.

В этом мире многие матери души не чают в своих детях, но часто они видят людьми только своих чад, забывая, что у других тоже есть дети, и у тех тоже есть матери.

После трапезы Чу Юй, поддерживаемый евнухом Чэнем, с болезненной грацией поднялся. Сделав несколько шагов к выходу, он вдруг остановился, словно вспомнив о чем-то важном, и обернулся, чтобы позвать даоса по имени Чу Си. Но стоило ему повернуть голову, как выяснилось, что тот уже стоит за его плечом, следуя по пятам, и, встретившись с ним глазами, заискивающе улыбается.

«Какое бесстыдство!»

Янь Хуай помрачнел. Он еще вчера предупреждал этого наглеца, чтобы тот не смел заглядываться на Его Высочество, но этот порочный тип явно пропустил все предостережения мимо ушей.

Чу Юй на мгновение замер, но затем тоже улыбнулся и мягко произнес:

— Как раз хотел попросить мастера Си погадать мне и наследнику Яню. Будет ли у господина даоса свободная минутка?

Цзи Линьси едва не задохнулся от восторга!

Да у него не то что минутка — у него целая вечность для этого найдется!

***

Комната встретила их роскошью: стол из черного эбенового дерева, такие же круглые табуреты, на стенах — свитки с тушью кисти именитых мастеров. Покои отгораживала ширма, а в четырех углах курились жаровни с древесным углем. Глядя на всё это великолепие, Цзи Линьси осознал, насколько господин Ван умел «встречать по одежке»: его собственная гостевая комната была пуста и неудобна, и жаровню там разжигали всего одну, здесь же всё так и дышало богатством.

Вспыхнувшее было недовольство такой несправедливостью мгновенно улетучилось, стоило ему взглянуть на прекрасного господина.

«Благородному красавцу положено только лучшее, — рассудил он. — Будь у меня власть и деньги, я бы окружил его еще большей роскошью, бросил бы к его ногам все сокровища мира... Лишь бы он, видя моё рвение, позволил хоть раз приложиться к его устам — вот было бы истинное блаженство»

Евнух Чэнь остался караулить у дверей, а Янь Хуай присел в стороне, не выпуская из рук меча. Его брови, резкие и грозные, точно сполохи молнии, гневно сошлись на переносице — он буквально не сводил с Цзи Линьси ледяного, испепеляющего взгляду.

Чу Юй поправил рукава и заговорил:

— Хочу просить мастера Си составить для меня предсказание.

— Что ждет меня в будущем? Каковы мои виды на государственную службу?

Линьси хитро прищурился и, приняв набожный вид, протянул руку:

— Прошу молодого господина дать мне свою руку для осмотра.

— ...Руку?

— Именно так, — кивнул Линьси с самым серьезным выражением лица. — В деле предсказания судьбы надобно изучить сплетение линий на ладони, ощупать кости и соотнести это с датой и часом рождения. Только тогда гадание будет верным.

Если в подлунном мире и был человек, чей риск граничил с безумием, то звали его Цзи Линьси. В конце концов, его жизненным кредо всегда было: «Робкий помирает с голоду, а смелый пирует до отвала».

И вот сейчас, когда это небесное создание находилось от него на расстоянии вытянутой руки, требовать от него, чтобы он вел себя как смиренный праведник, было просто невозможно.

То, что он до сих пор не вцепился в эту маленькую ручку с пылким признанием, уже свидетельствовало о его нечеловеческой выдержке.

<http://bllate.org/book/15344/1372720>